

Французский славист Мишель Никё, профессор Канского университета, соавтор (вместе с Леонидом Геллером) недавно вышедшего на французском языке «Истории утопии в России» (изд-во PUF) и составитель специального есенинского выпуска «Revue des études slaves» (т. 67, 1), был приглашен Институтом мировой литературы на международный симпозиум, посвященный 100-летию со дня рождения Сергея Есенина. Симпозиум проходил с 29 сентября по 3 октября в Москве и имел продолжение в Талдоме, на родине Сергея Клычкова.

Посмертная судьба Есенина отражает и по сей день, как в зеркале, историю его страны: через полгода после смерти поэта началась кампания против «есенинщины» (термин был запущен А. Безыменским), и Есенин стал картой в политической борьбе, разгоревшейся против троцкистской оппозиции (Троцкий считался покровителем Есенина). Через десять лет ликвидация есенинской «купницы» (Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, В. Наседкин, И. Приблудный, П. Васильев...) привела к фактическому запрету поэзии Есенина (с 1927 до 1955 года не вышло ни одного сборника, а его книги попросту сжигали) при неиссякающей подпольной популярности поэта.

Литературная реабилитация Есенина во время оттепели быстро превратилась в его канонизацию (а по существу в осовечивание и огосударствление поэта, оттолкнувшее значительную часть исследователей).

Принятое в 1984 году решение об устройстве государственного музея-заповедника в Константинове сейчас полностью осуществлено — все восстановлено, окружено забором и клумбами; нетронутым остался лишь чудесный окский косогор «и синь, упавшая в воду».

Поистине хороший памятник Есенину (скульптор А. Бичуров, автор надгробия-памятника 1986 г. на Ваганьковском кладбище), открытый в Москве 3 октября этого года на Тверском бульваре (напротив МХАТа). Он сразу стал местом поэтических выступлений и политических выкриков; сегодня версии об убийстве Есенина,

«Но не дано российскому поэту такою светлой смертью умереть...»

Русская мысль. — Гарн. — 1995. — 2 квад. — с. 16.
К столетию со дня рождения Сергея Есенина

Научные конференции в Москве и Талдоме

возникшие в 1989 году, используются в политических (шовинистических) целях, точно так же, как в 1926—1927 гг., хотя и с противоположных позиций.

Впрочем, смешение понятий вообще характерно для смутных времен: из храма науки, каким должен быть Институт мировой литературы, не выгнали торговцы ксенофобской литературой, установившие там свои лотки к открытию есенинского симпозиума. Такая беспринципность (заметная и в других областях культуры, политики и религии) чревата опасностями. Правда, больше народу толпилось у научного, постоянного книжного киоска.

Как певец вечной «голубой Руси» Есенин вселяет надежду в будущее всем тем, кого очередной большой перелом ущемил в национальном самосознании. В России поэзия всегда помогала жить и выживать. И поэтому хочется приветствовать отказ российского министра культуры превратить Есенина в государственного поэта. О том, кто «первый поэт» России, каждый отвечает за себя.

В этих сложных условиях международный симпозиум, организованный Институтом мировой литературы им. Горького, пытался поднять на серьезную высоту изучение творчества Сергея Есенина, которое отстает (несмотря на десятки тысяч статей и работ, написанных о нем) от изучения других больших русских поэтов XX века.

На симпозиуме было прочитано около восьмидесяти докладов и на пленарных заседаниях, и в специальных секциях. Конечно, не обошлось без разбора биографических и лирических тем, но политика осталась за дверями и ряд вопросов был освещен по-новому.

Миф о поэте-самородке или недоучке сегодня уступает место представлению о широко начитанном поэте, жаждущем простота которого опирает-

Сергей Есенин.

ся не только на фольклор, но и на русскую поэзию XIX века и на культуру Серебряного века.

На замечательной выставке, посвященной Есенину и его времени (с картинами Д. Бурлюка и рисунками Чекрыгина), в Государственном литературном музее в Трубниковском переулке можно видеть «Критику чистого разума» Канта (в переводе Н. Лосского) с надписью Есенина о покупке в 1917 году.

Этой стороне личности и творчества Есенина уделили внимание Миодраг Сибинович (Белград, «Позитика Есенина на распутье между модернизмом и авангардизмом»), С. И. Субботин («Чужой текст» в произведениях Есенина), М. Никё («Гностические мотивы в «Ключах Марии» Есенина»), С. Г. Семенова («Философские мотивы в лирике Есенина»), О. Е. Воронова («Есенин и Н. Бердяев») и др.

В секции «Проблемы издания и творчества Есенина» были затронуты вопросы текстологии и датировки,

связанные с подготовкой академического собрания сочинений Есенина в семи томах (под ред. Ю. Л. Прокуше-ва): первый том только что вышел, в последний том должны войти все известные (если их владельцы того пожелают) дарственные надписи Есенина.

Были также проанализированы отдельные произведения поэта — «Яр» (доклад Е. А. Самоделовой), «Страна негодиев» (сообщение Н. И. Шубниковой-Гусевой, составительницы двухтомной антологии статей и воспоминаний русской эмиграции о Есенине).

Л. С. Руднева привела большой фактический материал о Есенине и Мейерхольде; П. В. Куприяновский — о Есенине и А. К. Воронском. Гордон Макквей обнародовал неопубликованные письма советских писателей о Есенине.

Проблемам археографии и библиографии творческого наследия Есенина были посвящены пятнадцать докладов, с участием Э. Штейна (США), С. В. Шумихина, Л. А. Шлычкова (который, кстати, собирает сведения об истории просоветской парижской газеты «Русские новости»).

Своеобразное явление представляет собой «народное есениноведение», объединенное в общество «Радуница» (председатель Н. Г. Юсов), которому скоро исполнится 10 лет.

Стараниями энтузиастов-есенинологов были спасены, обнаружены и сохранены драгоценные материалы, касающиеся жизни и творчества поэта, а также открыты музеи Есенина в провинции (а на днях и в Москве, в восстановленном первом доме Есенина в Большом Строченовском переулке), частные «есенинаны» и выставки. В «Радуница» соседствуют все политические течения, мифы и наука...

Однако «народность» Есенина, даже если она порой используется в сомнительных целях, — не миф, и горы цветов, принесенных Есенину на Тверском бульваре или на Ваганьковском кладбище, чтение, пение его стихов, посвящения или стихотворные послания, оставленные у его памятника (точно так же, как и после смерти Есенина), представляют собой явление, которому трудно найти аналогию в мировой литературе.

Поззия Есенина обращена прежде всего к душе. Из-за этого, может быть, чистое литературоведение как будто боится вступить в ее царство. Она труднее и бледнее, чем «интеллектуальная» поэзия, переводится на иностранные языки, в особенности, на французский.

Часть участников московского симпозиума переехала с 5 по 7 октября в Талдом (100 км на север от Москвы), где состоялась конференция «Творческие связи и встречи С. Есенина и С. Клычкова».

Талдом (точнее деревня Дубровки, вблизи Талдома) — родина поэта Сергея Клычкова (1889—1937), не просто «друга Есенина», но одного из его поэтических отцов и мастера литературного сказа.

Музей Клычкова, открытый в 1992 году в большом кирпичном доме отца Клычкова (сапожника) подвижническими усилиями Т. А. Хлебянкиной, содержит фотографии, рукописи, книги Клычкова и переводы его романов на французский, польский, чешский и итальянский языки.

Впрочем, изучение Клычкова, и в особенностях его прозы, только начинается. На конференции, проходившей в Талдомском лицее искусств, большинство докладов было посвящено поэтическому миру Есенина и воспоминаниям его современников. Конференция завершилась музыкальным представлением, более непосредственным и естественным, чем торжественный вечер, устроенный 1 октября в московском Колонном зале.

Праздник продолжался до утра. Когда научные связи так ослаблены и осложнены, когда книги практически не выходят за пределы места издания, для всех участников из провинции (очень активной культурном плане), из Вытегры, из Сибири, из «ближнего зарубежья» эти конференции были счастливой оказией общения и обмена информацией, планами, книгами. Московские и талдомские организаторы, сумевшие осуществить такие мероприятия (и скорое издание докладов), заслуживают большой благодарности.

Пройдет есенинское столетие (научные конференции состоятся еще в Киеве, Варшаве, Белграде и других университетах), но останется поэзия Есенина, которая выше и глубже всех толкований и критиков.

С чьей-то ласковости вещней
Отгрустил я в синей мгле
О прекрасной, но нездешней,
Неразгаданной земле.

МИШЕЛЬ НИКЁ

Кан